

С этими словами он надел наушники, открыл сборник упражнений по литературе — к которому в обычной жизни и прикасаться бы не стал, — и углубился в чтение, оставив Бо Хуаю лишь свой холодный, безучастный профиль.

Разрез его глаз был классическим «персиковым»: чуть приподнятые к вискам уголки, четкие линии век и длинные, слегка загнутые ресницы делали взгляд невероятно выразительным, почти чувственным.

Но сейчас, когда Цзянь Сунъи насупился, в его взгляде сквозило лишь ледяное раздражение. Исчезла привычная дерзкая искра, однако вопреки этой колючести парня почему-то отчаянно хотелось утешить.

Бо Хуай понимал, что после всех этих споров за последние два дня молодой господин явно почувствовал, будто теряет лицо. Своими словами он лишь хотел его раззадорить, но, кажется, случайно перегнул палку и не на шутку разозлил.

Сам Бо Хуай уходить из школы Наньвай не собирался, да и Цзянь Сунъи просто не мог оказаться кем-то, кроме Альфы. Раз уж тот бросается такими категоричными словами, значит, действительно затаил обиду и решил бороться до победного конца.

Бо Хуай слегка потер переносицу.

«Ладно, он ведь злится на меня уже больше десяти лет»

«Путь впереди предстоит долгий и непростой»

Прозвенел звонок. Бо Хуай молча поднялся и вышел из класса.

Цзянь Сунъи, разумеется, только этого и желал: с глаз долой — из сердца вон. Однако стоило Бо Хуаю уйти, как странная слабость навалилась с новой силой.

Все тело заныло, мышцы налились свинцом, голова закружилась. Спина, начиная от шеи и вдоль всего позвоночника, горела огнем, будто этот жар выжигал внутренности.

Неужели процесс дифференциации всегда проходит так мучительно?

Среди подростков действительно ходили слухи, что чем позже организм определяет свой вторичный пол, тем тяжелее реакция. Пожалуй, стоило отпроситься с уроков.

Да и госпожа Тан со дня на день должна вернуться из поездки. Уж она-то, если заметит его состояние, точно запретит выходить из дома.

Приняв это решение, Цзянь Сунъи потянулся за телефоном, чтобы предупредить маму, но карманы оказались пусты. Тут он вспомнил, что мобильный конфисковали, запасной он с собой не взял, а планшет разрядился в ноль, пока он слушал музыку.

На душе стало совсем паршиво.

Что за день такой — все кувырком.

Цзянь Сунъи улегся на парту, спрятав лицо в согнутых локтях. Одну руку он забросил на затылок, упрямо сжав бледные пальцы. Сквозь них топорщились жесткие темные пряди. Всем своим видом он выражал крайнюю степень недовольства миром.

Спустя пару минут рядом послышался тихий шорох. Чья-то рука осторожно скользнула под его куртку, висевшую на спинке стула, и потянулась в ящик парты.

Одежда сидела на нем свободно, и незнакомец действовал предельно аккуратно, стараясь не коснуться тела парня. Намеренно избегал любого контакта.

«Да он ворует!»

Цзянь Сунъи резко схватил нарушителя за запястье и выпрямился. Краем глаза он уловил, что в руке «вора» зажата улика.

Присмотревшись, он опешил. Это был его конфискованный телефон.

Бо Хуай стоял, слегка наклонившись над партой. Одной рукой он опирался на столешницу, а вторую держал Цзянь Сунъи. Заметив, как у того со сна забавно растрепались волосы на макушке, Бо Хуай мягко улыбнулся:

— Так ты не спал?

—...

Он слегка покачал телефоном в руке:

— А я-то хотел устроить тебе сюрприз.

—...

— Я вернул его. Так что давай больше не злиться, ладно?

—...

Пэн Минхун славился своим крутым нравом и упрямством. Забрать у него гаджет стоило немалых усилий — наверняка пришлось долго его уламывать или пойти на какую-нибудь невыгодную сделку.

Цзянь Сунъи мысленно признал, что в Бо Хуае все же осталось что-то человеческое.

Он разжал пальцы, забрал телефон, сунул его поглубже в парту и, хмуро глядя в сторону, буркнул:

— Посмотрим.

— Ну вот, уже разговариваешь.

Бо Хуай усмехнулся. По-прежнему наклоняясь к нему, он протянул ту самую руку, которую Цзянь Сунъи только что держал, и легким движением поправил непослушную прядь у него на лбу.

Затем он поставил на его стол термос, спокойно вернулся на свое место и принялся за учебу.

Все произошло настолько естественно, что Цзянь Сунъи даже не сразу сообразил, что ему только что ласково взъерошили волосы.

Сидевший впереди Ян Юэ покосился на них, а затем осторожно потянул Сюй Цзясина за рукав и зашептал:

— Тебе не кажется... что дедушка Бо сейчас разговаривал с братом Суном как-то слишком нежно? Будто ребенка успокаивал.

Сюй Цзясин с подозрением оглянулся назад, но тут же наткнулся на ледяной взгляд Бо Хуая. Почувствовав, как между ними веет арктическим холодом, он испуганно отвернулся и вздрогнул.

— Скорее всего, он подсыпал в термос яд. А теперь его мучает совесть, и он решил проявить каплю милосердия перед кончиной нашего Брата Суна.

Ян Юэ на секунду задумался.

— Слушай, звучит очень правдоподобно.

Вечером, возвращаясь домой, Бо Хуай получил сообщение от своей новой знакомой под ником «Шарик мороженого с таро». Настроена она была крайне воинственно.

[Шарик мороженого с таро: Б. С., скажи, эти люди совсем ослепли? С какого перепугу они решили, что этот высокомерный сухарь Бо Хуай симпатичнее моей Детки?!]

Бо Хуай замер. Свои эмоции он вообще-то считал вполне живыми.

Но отстаивать собственную честь перед главой фан-клуба Цзянь Сунъи было бы глупо, поэтому он хладнокровно напечатал ответ:

[Б. С.: Полностью согласен. Цзянь Сунъи гораздо привлекательнее. Кстати, почему ты зовешь его «Деткой»?]

[Шарик мороженого с таро: Потому что я его мамочка-фанатка! Конечно же, он моя Детка!]

[Шарик мороженого с таро: Погоди, а ты что, из этих... фанаток-подружек?]

Бо Хуай замешкался на секунду.

[Б. С.: Нет, я не из них.]

[Шарик мороженого с таро: Правда?]

[Б. С.: Чистая правда.]

[Шарик мороженого с таро: Ну и славно, тогда я спокойна.]

[Шарик мороженого с таро: Я видела его сегодня после уроков. Он шел такой грустный, у меня прямо сердце кровью обливалось. Эх, во всем виноват этот гад Бо Хуай! Нагнал ботов из Ичжуна, чтобы выиграть титул школьного красавчика, да еще и на экзамене обошел всего на один несчастный балл! Моя Детка такая умница, он никогда еще так не расстраивался.]

[Шарик мороженого с таро: Эх, даже не знаю, как вернуть ему улыбку...]

Бо Хуай повернул голову и посмотрел на притихшего в углу заднего сиденья парня. Цзянь Сунъи выглядел измученным и вялым. Бо Хуай мысленно признал, что и сам бы не отказался узнать ответ на этот вопрос.

В этот момент пришло новое сообщение.

[Шарик мороженого с таро: Наверное, только если этот сухарь Бо Хуай с треском провалится пару раз или вообще переведется из нашей школы, Сун-Сун снова повеселеет. Слушай, а может, нам устроить заговор и выжить его?]

Бо Хуай всегда считал себя довольно популярным, но впервые за один день сразу два человека захотели выставить его вон.

Он горько усмехнулся и набрал:

[Б. С.: Бо Хуай не уйдет.]

[Шарик мороженого с таро: Твоя правда, раз уж перевелся, обратно не побежит. Тогда остается только надеяться, что наша Детка поскорее станет первоклассным Альфой и задавит этого выскочку своими феромонами!]

[Шарик мороженого с таро: Ой, не могу, так жалко его, у него сегодня был такой потерянный вид... Ради его улыбки я готова целый год не есть десерты с таро! Пусть небеса ниспошлют на Бо Хуая кару, пусть он влюбится в нашу Детку без памяти, потеряет покой и сон! Вот тогда Сун-Сун знатно повеселится!]

Бо Хуай подумал, что его первое место по успеваемости, кажется, досталось ему незаслуженно — логика этой Омеги ставила его в тупик. Он с сомнением напечатал:

[Б. С.: Ты думаешь, если Бо Хуай влюбится в Цзянь Сунъи, это его порадует?]

[Шарик мороженого с таро: Еще бы! Детка ведь его точно на пушечный выстрел не подпустит! Тот отобрал у него звание первого красавчика, обогнал в учебе, довел до белого каления — разве брат Сун посмотрит на него ласково? Сейчас этот умник зазнается, а потом будет локти кусать, бегать за ним и умолять о прощении. А наш Сун-Сун будет только издеваться! Представляешь, какая драма? Прямо бальзам на душу!]

Бо Хуай промолчал. Отвечать на это он не стал.

Но когда он вернулся домой, поужинал, принял душ и лег в постель, эти слова упрямо всплыли в памяти.

Вся эта история со школьным красавчиком его совершенно не заботила. Да и победа вышла не вполне честной — он просто получил голоса бывших одноклассников из Ичжуна. Что касается экзаменов, то задания в этот раз оказались слишком простыми, вот ему и повезло набрать на один балл больше.

Он вовсе не хотел злить Цзянь Сунъи, но обстоятельства сложились так, что парень действительно затаил обиду.

Судя по словам фанатки, ему следовало бы поддаться несколько раз, чтобы задобрить гордеца. Но Цзянь Сунъи слишком самолюбив. Если он почувет подвох, это лишь приведет к окончательному разрыву.

А уж все эти бредни про безответную любовь и горькие сожаления...

Бо Хуай лежал в темноте, задумчиво глядя на противоположное окно. Затем он резко поднялся и вышел в коридор.

— Тётушка Лю, моя школьная форма уже высохла? Я отнесу ее соседям.

Цзянь Сунъи никогда не считал себя человеком с ангельским характером. Он был самонадеянным, любил покрасоваться, привлечь к себе внимание и пофорсить.

Но проигрывать он умел.

Просто он не привык к этому. А когда поражение настигло его, раздражение вызвал лишь тот факт, что победителем оказался именно Бо Хуай.

Почему-то сама мысль об этом лишала его покоя.

Так было всегда, сколько он себя помнил.

Он и сам понимал, что погорячился с угрозами в классе. Получилось глупо и некрасиво. Бо Хуай не напрашивался на этот конкурс, спор затеял он сам, да и в оценках винить некого — соперник просто оказался сильнее. В итоге весь этот гнев выглядел абсолютно необоснованным.

Но слово не воробей. Раз уж бросил вызов, придется идти до конца и доказать свое превосходство. В конце концов, двум Альфам на одной территории не ужиться.

Цзянь Сунъи горько усмехнулся, но от этого движения мышцы шеи свело резкой судорогой.

Боль не отпускала его весь день, а к ночи стала и вовсе невыносимой.

Кажется, процесс пошел.

Особых приготовлений для дифференциации в Альфу не требовалось. Скоро все закончится, и утром он сможет порадовать маму хорошими новостями, чтобы та больше не переживала.

Цзянь Сунъи глубоко вздохнул, пытаясь устроиться поудобнее, но облегчения это не принесло.

Неужели у всех Альф это происходит так мучительно? Говорят, Омегам приходится в десять раз хуже. Как они вообще это выдерживают?

Ему искренне стало жаль этих бедолаг.

Пытаясь заглушить боль, он заставил себя закрыть глаза и провалился в тяжелое, прерывистое забытие. Когда он снова очнулся, губы пересохли до трещин, в горле словно полыхал пожар, а внизу живота все скрутило спазмом.

Он попытался встать, чтобы налить воды, но ноги подогнулись, и он рухнул обратно на кровать.

Голова раскалывалась, тело била крупная дрожь.

«Кажется, у меня лихорадка»

Сил бороться не осталось. Цзянь Сунъи инстинктивно зарылся глубже в одеяло, сжавшись в комок, пока внутренний жар медленно выжигал его изнутри.

Завибрировал телефон. Вытащить руку из-под теплого пледа было выше его сил, не говоря уже о том, чтобы ответить на звонок.

Экран продолжал настойчиво светиться. Тот, кто звонил, явно терял терпение, но Цзянь Сунъи ничем не мог себе помочь.

Ему еще никогда в жизни не было так больно. Разум постепенно мутился, уплывая в спасительную темноту. Но в самый последний момент сквозь пелену беспамятства он отчетливо услышал, как внизу пискнул электронный замок входной двери.

Кто-то вошел.

Шаги на лестнице были быстрыми, почти паническими.

А затем комнату наполнил удивительный, спасительный аромат.

Цзянь Сунъи показалось, будто его бережно укутали в мягкое облако прохладного свежего снега. Жар в теле начал утихать, а терзавшая его боль отступила, сменившись блаженным

покоем.

Сквозь ускользящее сознание он расслышал тихий, до боли знакомый голос:

— Все хорошо. Я здесь.

<http://bllate.org/book/20583/2131292>